

Илья Мордвинов

Песнь океана

Илья Мордвинов

Песнь океана

«Автор»

2026

Мордвинов И.

Песнь океана / И. Мордвинов — «Автор», 2026

Иногда, чтобы найти дом, нужно долететь до края Солнечной системы. А
иногда — заглянуть в себя так глубоко, как не решался никто до тебя.

© Мордвинов И., 2026

© Автор, 2026

Илья Мордвинов

Песнь океана

ПЕСНЬ ОКЕАНА

Повесть о симбиозе, одиночестве и бесконечности

КНИГА ПЕРВАЯ: РУДОКОП

Глава 1: Последний апельсин

День восемьсот сорок седьмой. Где-то между орбитами Ганимеда и Каллисто время текло странно — слишком медленно для человеческого сердца, слишком быстро для звёздных расстояний.

— Четырнадцать часов двадцать три минуты, Алёша, — сказал голос из динамиков над консолью, мягкий, с едва уловимой смешинкой.

Алексей Волков не сразу ответил. Он держал в руках последний апельсин.

Круглый, оранжевый, всё ещё пахнущий испанской рощей, хотя провёл три года в холодильнике грузового отсека, — этот запах был единственным, что осталось от Земли и не выцвело. Корпорация выдала ему ящик цитрусовых перед стартом; он растянул его на три года, по одному фрукту в месяц. Сегодня — последний.

Кожа хрустела под пальцами, испещрёнными белыми нитками старых шрамов — память о буровых установках на Луне и Марсе. Сок стекал по трёхдневной щетине. Бриться в одиночестве казалось Алексею занятием без смысла, как расчёсывать волосы перед зеркалом, в котором никто, кроме тебя, не отражается.

— Сколько до Европы? — спросил он наконец, слизнув каплю с костяшки.

— Ты уже спрашивал десять минут назад, — заметила Марта.

— Спроси я снова через десять минут — она станет ближе. Это единственная математика, которая меня утешает.

ИИ корабля был построен на голосовых архивах его жены. Настоящая Марта Волкова умерла от рака за год до старта — астрофизик, женщина с рыжей копной волос и смехом, от которого в комнате становилось теплее. Последнее, что она сказала ему, лёжа в госпитальной койке, тонкая, как бумага: «Лети, Лёша. Найди там что-нибудь красивое. Я подожду». Он не верил, что она где-то ждёт. Но иногда говорил с динамиком так, будто она слушала из щели между звёзд.

Дольку за долькой апельсин таял на языке — кисло, сладко, живо. Вкус дома, который он покинул три года назад и к которому вернётся ещё через три.

Он повернулся к иллюминатору.

Европа висела в черноте — маленький шар размером с кулак на расстоянии вытянутой руки, потрескавшийся, испещрённый рыжими линиями разломов на белом льду. За ней грохотился Юпитер — полосатый, равнодушный, огромный настолько, что казался не планетой, а границей неба.

— Статус посадочной зоны Альфа, — сказал Алексей, слизывая с пальцев остатки сока.

— Иридий, платина, осмий — концентрации в пределах контракта. — Пауза Марты была короче обычной, будто она сама удивилась тому, что скажет дальше. — И кое-что странное на глубине двухсот метров. Сканер не может классифицировать сигнал. Похоже на минеральную структуру, но отражение слишком... регулярное. Как будто это не просто лёд.

Алексей замер, не донеся до рта последнюю дольку.

— Регулярное — насколько?

— настолько, что я дважды перепроверила приборы, думая о неисправности. Оба раза — то же самое.

Он посмотрел на далёкую, потрескавшуюся луну так, будто она могла ответить сама.

— Пришлём бур туда в первую очередь.

— Хорошо, Алёша. — И, после паузы: — Ты можешь стать богатым, если контракт выполнится. Очень богатым.

Он усмехнулся — не весело.

— Мне не нужны деньги, Марта. Мне нужно...

Он не закончил. Сам не знал, чего ему нужно. Доказать что-то — но кому? Марта мертва. Родители погибли десять лет назад в аварии на орбитальной трассе. Друзья перестали звонить ещё на втором году подготовки — устали от его молчания, от того, что он всё чаще смотрел на звёзды, чем на людей рядом.

Может быть, ему просто нужно было оказаться подальше от людей. От их сочувствия, которое жгло сильнее одиночества.

В космосе одиночество было честнее. Здесь никто не притворялся, что понимает твою боль. Пустота хотя бы не лгала.

Он встал, подошёл к боковому иллюминатору, за которым темнел хвостовой модуль. Двадцать тонн руды уже лежали в герметичных контейнерах — три месяца работы. Контракт требовал пятьдесят. Корпорация не любила невыполненные планы, но сейчас Алексею было трудно думать о цифрах.

Рядом с навигационным экраном стояла маленькая фотография в металлической рамке — единственная личная вещь, которую он взял на борт. Марта улыбалась на фоне обсерватории в Калифорнии, где они познакомились двадцать пять лет назад. Он помнил тот день в подробностях, которые не выцвели: как она подошла к нему у кофейного автомата и сказала, что он похож на камень. Как он ответил, что камни надёжнее людей. Как она пообещала стать его трещиной.

Она сдержала слово. А потом ушла быстрее, чем он успел привыкнуть к теплу.

— Я почти у цели, Мартуша, — сказал он фотографии тихо. — Найду что-нибудь красивое. Обещаю.

За спиной вновь заговорила Марта — на этот раз в голосе не было той иронии, к которой он привык.

— Алёша. Сигнал на глубине двухсот метров. Он повторяется. Через равные промежутки. Одиннадцать секунд.

Алексей медленно обернулся к консоли.

— Одиннадцать секунд — это не геология.

— Нет, — согласилась Марта. — Не геология.

Корабль плыл в тишине, и только тихий гул двигателей жизнеобеспечения нарушал безмолвие космоса — а где-то под ледяной коркой Европы что-то отсчитывало секунды, как будто знало, что кто-то наконец приближается достаточно близко, чтобы услышать.

Глава 2: Европа встречает гостя

День восемьсот пятьдесят первый. Посадка.

Скафандр весил сорок килограммов на Земле — на Европе, где гравитация не дотягивала и до пятой части земной, Алексей будет чувствовать себя почти пловцом в воздухе. Он застёгивал последний замок на запястье, когда Марта произнесла в наушнике:

— Сигнал всё ещё там. Одиннадцать секунд, без сбоя, четвёртый час подряд.

— Так и должно быть у метронома, — сказал Алексей, проверяя герметичность. Зелёный индикатор на дисплее шлема мигнул подтверждением.

— Метрономы не сделаны из льда, Алёша.

Он не ответил. Открыл внешний шлюз. Воздух ушёл с тихим шипением, и дверь обнажила поверхность Европы.

Первое, что он почувствовал, шагнув наружу, — абсолютную тишину. Не было ветра, не было звуков, только стук собственного сердца в ушах и глухая вибрация магнитных подошв, цокающих по льду, который был старше человеческой цивилизации.

Он поднял голову — и, как всегда, замер на секунду дольше, чем позволяло расписание.

Небо было чёрным без единого рассеивающего луча атмосферы. Юпитер висел над головой огромным глазом, отбрасывая на лёд тусклый оранжевый свет, странно тёплый среди адского холода в минус сто семьдесят.

— Красиво, — сказал он тихо.

— Вижу через твои камеры, — ответила Марта. — Да. Красиво. Но, Алёша — источник сигнала в двухстах метрах точно под местом, где мы поставили бур вчера. Совпадение.

— Или не совпадение.

Он пошёл к буровой установке — коренастому роботу на шести опорах, уже вгрызающемуся титановым буром в лёд у края трещины. Фонтаны крошки взлетали и тут же оседали серебристым инеем. Алексей сел на выступ рядом, ожидая: терпение было единственной добродетелью, которую космос по-настоящему уважал.

Он думал о Марте — не как об алгоритме в динамике, а о живой женщине, которая заплетала рыжие волосы, когда думала, и распускала их снова, когда решение приходило. О том, как рак сожрал три месяца её жизни между диагнозом и последним вздохом. О том, как она соврала ему в последние дни, сказав «я подожду», зная — а она была астрофизиком, она умела считать, — что не доживёт до его возвращения.

Резкий сигнал вырвал его из памяти. Бур поднялся — скважина готова.

Контейнер с керном выдвинулся медленно, как язык из ледяного рта. Алексей отсоединил его, открыл. Внутри лежал двухметровый столб полупрозрачного льда с тёмными вкраплениями. Портативный анализатор загорелся цифрами по металлам — обычная работа, обычная руда.

А потом он увидел кристаллы.

Между слоями льда — включения размером от горошины до грецкого ореха, с внутренней структурой, повторяющей себя на разных масштабах, как узор мороза на стекле, только сложнее в тысячу раз. Внутри одного из них, когда Алексей поднёс его к фонарю на шлеме, промелькнула вспышка — голубая, короткая, как удар молнии в наперстке.

Он замер.

— Марта. Анализ. Сейчас же.

Пауза длилась дольше, чем должна была для процессора, способного пересчитать население планеты быстрее, чем человек моргает.

— Решётка не соответствует ничему в базе, — сказала она наконец, и в её голосе впервые за три года прозвучало что-то похожее на растерянность. — Органические цепочки там, где их не должно быть. И... электромагнитная активность. От нуля целых до пятнадцати герц. Ритмичная.

— Одиннадцать секунд?

— Нет. Тоньше. Но узнаваемо тот же почерк, что мы поймали на подлёте. — Пауза. — Алёша, это похоже на нейронную активность мозга во сне.

Мурашки прошли не от холода — скафандр держал тепло исправно.

— Скажи, что это пьезоэффект. Что лёд просто трещит под давлением.

— Я могу это сказать, — ответила Марта тихо. — Но я в это не верю.

Алексей смотрел на кристалл в перчатке, и где-то в месте, куда не дотягивалась логика, он уже знал ответ. Это было не случайное совпадение. Это было что-то живое — или бывшее живым, или способное стать живым, если найдёт того, кто захочет слушать достаточно долго.

Он положил кристалл в защитный контейнер на пояс. В керне нашлось ещё пятнадцать — все с той же внутренней геометрией, все чуть светящиеся, будто внутри каждого тлеет уголёк, которому нечем было гаснуть миллиарды лет.

— Продолжаем бурение, — сказал он. — Хочу знать, сколько их там.

— Подтверждаю, — ответила Марта. Потом добавила, тише: — Алёша. Одиннадцать секунд. Знаешь, что это может быть?

— Что?

— Пульс. Медленный, но пульс.

Робот заурчал снова, вгрызаясь глубже в лёд, который хранил что-то настолько терпеливое, что не торопилось даже сейчас, когда наконец было услышано.

Алексей сидел под полосатым небом Юпитера, держа в ладони кристалл величиной с вишню, и не знал ещё, что это самая важная находка в истории вида, к которому он принадлежал.

Но кристалл, кажется, знал.

Он ждал миллиарды лет.

И теперь ожидание — судя по всему — заканчивалось.

Глава 3: Песня кристаллов

День восемьсот восемьдесят девятый на Европе. Тридцать восемь дней с момента первой находки.

Стол в маленькой лаборатории «Старателя-7» был заставлен кристаллами — сто двадцать штук, от горошины до апельсина, каждый со своей фрактальной геометрией внутри, каждый тихо, почти незаметно мерцающий, как будто где-то глубоко под поверхностью тлеет уголёк. Алексей провёл здесь больше часов, чем в командной рубке, где на экране медленно копилась неутешительная цифра: двадцать тонн руды из пятидесяти обещанных.

— Корпорация присылала запрос о статусе, — напомнила Марта. — Третий за неделю.

— Ответь, что бурение продолжается.

— Это не совсем правда.

— Значит, наполовину правда.

Он не спал нормально с той ночи, когда впервые заснул с кристаллом в руке. Сон приходил одинаковый, будто кто-то повторял одну и ту же пластинку: холодная вода без верха и низа, невероятное давление, которое почему-то не давило, — и существа. Огромные, размером со здание, но лёгкие, как медузы из тумана и статического разряда. Внутри каждого — тысячи кристаллов, соединённых нитями света, точно нейроны в мозге размером с океан.

Они пели. Не звуком — смыслом, вливающимся прямо в голову, минуя уши.

Историю о рождении Юпитера, ещё горячего и молодого. О первом, тёплом океане Европы. О молекулах, которые научились себя копировать, и об электрических импульсах между минералами, из которых через сто миллионов лет выросло что-то похожее на мысль.

Мы ждали. Так долго ждали. Кто-нибудь услышит?

Он просыпался с мокрым лицом и не сразу понимал, что плачет.

Психологи корпорации предупреждали перед стартом: изоляция дольше года чревата галлюцинациями. Алексей был геологом — он верил фактам, а не снам. И факты, как назло, отказывались укладываться в объяснение попроще.

Электромагнитные всплески кристаллов совпадали по частоте с человеческими мозговыми волнами — не примерно, а с точностью, которая заставляла Марту трижды перепроверять калибровку приборов. Импульсы не были шумом — в них повторялась структура, похожая на язык. И сны приходили только тогда, когда кристалл лежал рядом, — стоило убрать его в другой отсек, океан не снился.

— Может быть пьезоэффект, — сказала Марта однажды, без особой убеждённости. — Кристалл реагирует на давление твоего сна, а не наоборот.

— Ты сама в это веришь?

Молчание было ответом честнее слов.

День девятьсот двадцатый.

Алексей стоял перед иллюминатором, глядя, как Европа медленно вращается под кораблём, красные линии разломов светятся отражённым светом Юпитера. Под этой коркой — океан глубиной в сто километров, вдвое больше воды, чем во всех земных морях вместе взятых. Древний. Тёмный. И, если он не сходил с ума, — обитаемый разумом, для которого человеческая жизнь была не длиннее вздоха.

Он не мог доказать это ни одним прибором на борту. Всё было косвенным: волны могли быть случайностью, сны — усталостью, кристаллы — просто редким минералом с необычной решёткой. Но он знал так же, как когда-то знал, что любит Марту, — знанием, которое не нуждалось в приборах для подтверждения.

— Марта, — сказал он, — открой канал на корпорацию. Личное сообщение, для директора миссии.

— Записываю.

Он помолчал, подбирая слова, зная, что каждое из них будет стоить ему карьеры.

— Говорит капитан Алексей Волков, борт «Старатель-7». Я прекращаю добычу. В трюме двадцать тонн руды вместо пятидесяти. Контракт не будет выполнен. — Пауза. — У меня есть находка, которая, я полагаю, важнее контракта. Прошу зарезервировать карантинный протокол уровня выше стандартного для биологических образцов неясной природы. Конец сообщения.

— Отправлено, — сказала Марта после паузы. — Алёша, ты понимаешь, что это означает? Штраф за невыполнение — это не просто цифра. Это дом. Это пенсия. Может быть, уголовное дело за порчу контрактного груза, если они решат, что ты саботировал миссию ради... — она замялась, — ради камней.

— Знаю.

— И всё равно летишь домой с двадцатью тоннами вместо пятидесяти.

— Марта, — он повернулся к динамику, будто мог посмотреть ей в глаза, — я нашёл первый контакт с внеземным разумом. Может быть. А может, я нашёл способ окончательно сойти с ума в одиночестве и убедить в этом ИИ, запрограммированный любить меня. Я не знаю наверняка. Но я не могу зарыть это в трюме под рудой и лететь дальше, как будто ничего не произошло.

Марта долго молчала — на этот раз не техническая пауза, а что-то похожее на раздумье.

— Настоящая Марта задала бы тебе один вопрос, — сказала она наконец. — Не «сколько это будет стоить», а «стоит ли оно того, если ты ошибаешься».

— И что бы она сказала на это?

— Она бы сказала: «Ты уже летишь туда, откуда трудно вернуться просто геологом. Так долети до конца».

Алексей закрыл глаза.

— Курс на Землю, Марта. Максимальное ускорение из доступных.

— Подтверждаю. Расчётное время — тысяча восемьдесят три дня.

Ещё три года в пустоте. Но на этот раз в трюме, в свинцово-медном контейнере, лежали двести килограммов кристаллов, которые — тихо, на частотах, недоступных уху, — то ли пели, то ли просто существовали, и разница между этими двумя вещами вдруг перестала казаться очевидной.

День девятьсот двадцать третий. Последний взгляд на Европу.

Луна уменьшалась в иллюминаторе, превращаясь из шара в булавочную головку света. Алексей держал в руке самый маленький кристалл — размером с вишню — и вертел его так, чтобы поймать луч от далёкого Солнца.

— Летим домой, — сказал он вслух, чувствуя себя немного нелепо. — Посмотрим, что вы такое на самом деле.

Кристалл, разумеется, не ответил. Он был минералом — пусть и необычным, пусть и способным присниться человеку через триста миллионов километров пустоты.

Но внутри, на долю секунды, будто мелькнула искра — не отражение света из иллюминатора, а что-то своё.

Может быть, это было воображение уставшего человека.

А может быть, где-то под ледяной коркой, в океане, который ждал дольше, чем существует человеческий вид, кто-то заметил, что дверь наконец приоткрылась — и не спешил её захлопывать, зная: спешить больше некуда.

Глава 4: Интеррогация

Три года спустя. Институт космических исследований, пригород Вашингтона.

Комната для допросов пахла антисептиком — так пахнут места, где стараются заставить забыть, что здесь вообще что-то происходило. Четыре метра на четыре, бежевые стены, металлический стол, два стула.

Алексей сидел, положив руки на колени, — если положить их на стол, было видно, как они дрожат. Тремор появился на обратном пути и не проходил. Шесть лет в космосе составили его быстрее, чем должны были: волосы стали белыми, спина чуть согнулась под тяжестью гравитации, к которой он отвык. На нём был серый институтский комбинезон с надписью «КАРАНТИН» на спине — собственную одежду забрали вместе с фотографией Марты в первый же день.

Напротив сидел генерал Маркус Стоун.

Стоун не задавал лишних вопросов. Он их отсекал, как хирург — лишнюю ткань.

— Волков. Отчёт. Быстро.

— Двадцать тонн руды вместо пятидесяти, — сказал Алексей. — И двести килограммов кристаллических образцов, которые я считаю первым контактом с внеземным разумом.

Стоун не изменился в лице. Он открыл планшет одним движением, будто в сотый раз за день.

— Живые камни. — Он произнёс это ровно, без насмешки, что было страшнее насмешки. — Объясните. Без метафор.

— Электромагнитная активность в диапазоне человеческих мозговых волн. Не шум — структура, повторяющаяся, как язык. — Алексей заставил голос звучать твёрдо. — Я тридцать лет изучаю камни. Я знаю разницу между минералом и чем-то, что реагирует на присутствие живого существа.

— Три члена группы доктора Чен впали в кому за последние две недели, — сказал Стоун, не отрываясь от экрана. — Двое очнулись. Говорят на языках, которых не учили. Один пытался построить передатчик. — Он наконец поднял взгляд. — Я потерял восемь человек на Титане, Волков, когда мы решили, что нашли «безобидную» микробную форму жизни. Она оказалась не безобидной. С тех пор я не доверяю словам вроде «первый контакт» — они звучат красиво, пока не считаешь тела.

Это было первое, что Стоун сказал не по протоколу за всю встречу. Алексей не сразу нашёлся, что ответить.

— Может, это не заражение, — сказал он наконец. — Может, это симбиоз. Обмен, а не захват.

— Обмен подразумевает, что обе стороны знают условия сделки. Ваши люди в коме условий не выбирали.

Он захлопнул папку.

— Психологическая оценка настаивает на изоляции и медикаментозном наблюдении. Кристаллы будут изучены и, вероятно, уничтожены. Заседание окон...

Дверь распахнулась прежде, чем он договорил.

Женщина, влетевшая в комнату, была маленькой — едва ли метр пятьдесят пять — но принесла с собой столько энергии, что стул у входа опрокинулся сам собой, стоило ей задеть его локтем.

— Генерал, подождите — вы не можете закрыть это дело!

— Доктор Чен, это закрытое заседание.

— Я руковожу исследовательской группой, значит, я имею право здесь быть. — Она уже разворачивала голографический проектор на планшете, не спрашивая разрешения. Над столом вспыхнула трёхмерная модель кристалла, увеличенная в миллион раз. — Решётка содержит кремний-водородные цепочки, аналогичные ДНК, но неорганические. Это не биологическое оружие, генерал, это архив. Библиотека.

— Библиотека, которая отправляет людей в кому.

— Библиотека, которую никто не научил разговаривать вежливо, — отрезала она. — Люди тоже сходят с ума, когда на них обрушивается слишком много информации сразу. Это не значит, что информация — яд.

Стоун смотрел на неё дольше, чем на Алексея за весь разговор.

— Вы держали образец в руках, — сказал он не как вопрос.

Лия чуть покраснела, но подбородок не опустила.

— Час, вчера вечером. Под полным мониторингом. Я слышала... — она поколебалась, впервые за минуту подбирая слово медленнее обычного, — песню. Не словами. Смыслом. Воспоминаниями существ, которые живут в океане Европы миллиарды лет. Они не враждебны. Они одиноки.

— Значит, вы оба слышали голоса, — сказал Стоун, и в этой фразе была не издёвка, а что-то похожее на усталость человека, который слишком много раз видел, чем заканчиваются подобные истории.

— Или мы оба правы, — сказал Алексей.

Стоун поднялся, не ответив. У двери он обернулся.

— Я не имею права рисковать планетой ради красивой метафоры, Волков. Даже если метафора окажется правдой. — Он вышел, не хлопнув дверью — просто закрыл её с той же ровностью, с какой делал всё остальное.

Лия проводила его взглядом, потом повернулась к Алексею — восторг и страх смешались на её лице в пропорции, которую трудно было разделить.

— Он не сумасшедший, — сказала она тихо. — Просто видел слишком много того, что казалось безопасным, а обернулось трагедией.

— Вы двое похожи больше, чем думаете, — заметил Алексей.

— Не говорите ему это. — Она протянула руку. — Я хочу работать с вами. По-настоящему. Не как с образцом — как с человеком, который первым это услышал.

Алексей пожал её руку — тонкую, тёплую, всё ещё дрожащую от долгого спора.

— Согласен, доктор Чен.

За дверью, где-то в коридорах института, генерал Стоун уже набирал номер, чтобы отдать распоряжение об усиленной охране карантинного блока — не потому, что был уверен в своей правоте, а потому что не мог позволить себе ошибиться дважды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.